

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.Я. МАРРА НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (1919–1920, 1922–1934 ГГ.)***

Статья посвящена деятельности Н.Я. Марра (1864/65–1934), одного из ведущих отечественных ученых 1910–1930-х гг., на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (до 1926 г. Российская академия истории материальной культуры, РАИМК). Так как вопросы истории российской науки часто исследуются в различных идеологических ракурсах и исходя из определенных политических установок, автор статьи обращался к принципам эпистемологической нейтральности С. Ору. На основании широкого спектра не введенных в научный оборот архивных источников проанализированы особенности руководства одним из ведущих научных гуманитарных центров страны в непростых политических условиях 1920-х гг. Н.Я. Марру удалось выработать принцип взаимоотношения с властью, позволявший защищать интересы академии, успешно отстаивать претензии своей лингвистической теории и одновременно пользоваться содействием коллег, поддерживавших его кандидатуру в качестве председателя. При этом в условиях обострения идеологической борьбы 1920–1930-х гг. он, с одной стороны, стремился смягчить «чистку» академии, но, с другой, в случае конфликтов с коллегами шел на союз с сочувствующими его теории молодыми борцами за марксизм. Таким образом, роль Н.Я. Марра как председателя ГАИМК была амбивалентной – при признании колоссальных заслуг ученого в создании и функционировании академии с него нельзя снимать ответственность за агрессию по отношению к своим оппонентам, перешедшую в репрессии 1930-х гг., затронувшие в том числе и ГАИМК. Обращение к данной теме помогает дополнить представления о биографии ученого. Материалы статьи могут быть использованы при исследовании взаимоотношений ученого сообщества и власти, а также институционализации новых научных учреждений в постреволюционный период.

Н.Я. МАРР; ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ; НАУКА И ВЛАСТЬ; ИСТОРИЯ НАУКИ; ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ.

Личность Николая Яковлевича Марра (1864/65–1934), благодаря ее спорности и значимости в истории отечественной гуманитаристики, является одной из самых популярных

среди историков науки. Не меньший интерес, чем его научное наследие, представляет фигура Н.Я. Марра-руководителя, бесспорно талантливого администратора, возглавлявшего целый ряд научных центров страны. В условиях непосредственной зависимости развития науки от поддержки правительства и постоянных изменений политической и экономической ситуации в стране Марру удавалось разрабатывать

*Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук (проект МК-6876.2016.6).

сценарии взаимоотношения с властью, которые позволяли ему добиваться успехов как в царское время, так и в советский период. При этом в рамках руководства каждым отдельным учреждением (факультетом восточных языков Петербургского/Петроградского университета, Государственной академией истории материальной культуры, Яфетическим институтом, Государственной публичной библиотекой) они были уникальными. В центре внимания настоящей статьи находится деятельность Н.Я. Марра в качестве председателя Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (до 1926 г. Российская академия истории материальной культуры, РАИМК).

Несмотря на активное участие в реализации проекта создания академии многих представителей ученого сообщества, ключевой фигурой в этом процессе по праву можно считать Н.Я. Марра¹. В мае 1918 г. он был единогласно избран взамен скончавшегося Н.И. Веселовского штатным членом Археологической комиссии, на базе которой и была основана академия, а уже в ноябре того же года стал ее председателем. К тому моменту Марр был деканом факультета восточных языков Петроградского университета и ординарным академиком Академии наук, а участие в раскопках в Армении принесло ему известность и уважение среди коллег. Именно Н.Я. Марр в начале октября 1918 г. поставил перед наркомом просвещения А.В. Луначарским вопрос о преобразовании комиссии в академию [2, с. 27]. Декрет о создании академии был подписан В.И. Лениным 18 апреля 1919 г. Выборы в ее состав прошли 5–7 августа 1919 г., председателем академии стал Н.Я. Марр. Его кандидатура идеально подходила сразу по нескольким причинам. Во-первых, он был на тот момент одним из самых талантливых организаторов и администраторов среди ученого сообщества, а его бесконечная энергия, умение доказывать власти свою правоту и доводить начатое до конца позволяли преодолевать любые бюрократические барьеры. Академия получила особый статус, «археологические исследования впервые становились государствен-

ным делом» [3, с. 14], и уровень их проведения определялся РАИМК².

Вторым фактором, послужившим избранию Н.Я. Марра, являлась его репутация человека, который устраивает новую власть. Основания так думать действительно есть. Кроме А.В. Луначарского, среди большевистских лидеров он активно контактировал с его заместителем З.Г. Гринбергом и заведующей Отделом по делам музеев Н.И. Троцкой. В частности, двое последних активно способствовали передаче академии Мраморного дворца, на который также претендовал Всероссийский союз рабочих водного транспорта [5, с. 89].

Тем не менее, вопреки распространенному мнению [См., например: 6, с. 38–39], у ученого не было каких-либо совершенно особых отношений с большевистскими лидерами. Его коллеги по РАИМК (скажем, С.Ф. Ольденбург) могли точно так же свободно обращаться к А.В. Луначарскому или М.Н. Покровскому [7, с. 372], а Б.В. Фармаковский являлся другом детства и юности самого В.И. Ленина [8, с. 1072]. Одновременно ученый в принципе не симпатизировал революционному движению как таковому, ему было не важно, с какой властью договариваться: одинаково активно и достаточно успешно он это делал и с министром народного просвещения Л.А. Кассо [7, с. 372], и с министрами Временного правительства (например, с А.А. Мануйловым) [9, л. 10–11], и с большевиками. Многие коллеги Марра по академии просто либо не умели, либо не хотели этого делать. Они даже готовы были смириться со сложным характером ученого, его неадекватным поведением, позднее начавшим граничить с сумасшествием.

В течение 1920-х гг. Н.Я. Марр умело выстраивал взаимоотношения как с властью, так и со старой академической элитой. Новая академия сохраняла свой прежний состав и тематику исследований, долгое время в ней не было ни одного члена Коммунистической партии (сам ученый вступил в партию в 1930 г.). Желание оставить прежних специалистов было следствием не только понимания Марром их компетентности, но и стремления служить интересам и ценностям самой академической

¹ Сам Н.Я. Марр этого впоследствии не отрицал, называя себя «инициатором» учреждения академии [1, с. 129].

² На практике археологические раскопки часто проводились без разрешения академии [4, л. 101].

корпорации. Ученый очень гордился тем, что смог сохранить всех работников Археологической комиссии [10, с. 2–3; 11, с. 78] (это было закреплено в пункте 2 Декрета об учреждении академии [12, с. 1]). Востоковед И.М. Дьяконов даже назвал академию «заповедником», «где под эгидой Марра и ленинского декрета могли спастись неприкаемые гуманитарии» [13, с. 256]. Кроме этого, Н.Я. Марр всегда старался помогать своим подчиненным и защищать их. Ученый постоянно ходатайствовал перед властями об освобождении арестованных сотрудников (в частности, А.С. Раевского и М.М. Гирсе в 1920 г.), подключая для этого личные связи [14, л. 15 об., 19 об., 30 об.].

Умение Н.Я. Марра вести диалог с властью благотворно сказывалось на развитии академии. Он неустанно выбивал средства на экспедиции, издания, зарплаты. Исследователь В.В. Селиванов отмечает, что активность Марра, его многочисленные лекции, командировки, поездки и различные выступления расширяли и увеличивали «не только лично его популярность и известность, но не в меньшей мере и популярность ГАИМК'а, известность его сотрудников как крупных и высокоавторитетных ученых» [15, с. 478].

Незаменимость Н.Я. Марра в качестве руководителя академии стала очевидной уже вскоре после его назначения. На заседании правления 16 августа 1920 г. он возбудил ходатайство об освобождении его от исполнения обязанностей председателя ввиду предстоящего отъезда в командировку в Италию и просил разрешение передать их С.Ф. Ольденбургу. Также ученый заявил, что по возвращении из поездки он на этот пост не вернется [16, л. 76]. Правление постановило обратиться в совет академии с представлением о назначении выборов президиума [Там же. Л. 76 об.]. 13 сентября 1920 г. новым председателем академии стал А.А. Васильев, который был не способен жестко отстаивать ее интересы в коридорах власти. В частности, при нем число сотрудников академии резко снижалось (в 1921 г. – 224, из них 204 по научной части, а в 1922 г. – 170, из них 140 по научной части) [17, л. 70 об.]³. На заседании со-

вета 30 октября 1922 г. было заслушано словесное заявление А.А. Васильева с ходатайством об освобождении его от занимаемой должности [18, л. 70]; оно также было доложено и. о. ученого секретаря С.А. Жебелевым на заседании правления 10 ноября 1922 г. [19, л. 73]. Временным исполняющим обязанности председателя стал товарищ председателя, ученый сотрудник С.Н. Тройницкий. Вскоре правление приняло решение предложить на пост председателя кандидатуру Н.Я. Марра [20, л. 84 об.]. На наш взгляд, выбор был обусловлен именно тем, что ученый обладал административным талантом. Об острой нехватке администраторов среди членов академии говорит и пример И.А. Орбели, который долгое время безуспешно пытался сложить с себя обязанности заведующего издательством академии и даже составил записку, где признавался: «Я совершенно не приспособлен для исполнения каких бы то ни было административных обязанностей» [21, л. 35]. Несмотря на это, коллеги всячески просили его остаться [Там же].

Признание и значительная поддержка со стороны властей в условиях 1920-х гг. не означала безмятежного существования академии. Ее руководству приходилось постоянно бороться за обеспечение нормальной работы академии, материальную помощь и гарантии. Н.Я. Марр делал это успешнее других. Вернувшись из-за границы, он на первом же заседании сообщил, что заведующий Петроградским управлением научных учреждений согласился отпустить средства на перевозку библиотеки, музея и склада изданий Русского археологического общества в помещение академии [22, л. 36], а также что, «по полученным им сведениям, Главнаука считает желательным учреждение в Москве органа Академии» [Там же. Л. 69].

После возвращения на пост председателя ученый с головой погрузился в решение многочисленных проблем. В письме заведующему Управлением научных учреждений М.П. Кристи в 1923 г. Марр отмечал, что академия – «одно из редких оказавшихся жизнеспособными крупных учреждений, потребность в котором в РСФСР не только научная, в интересах чисто теоретических изысканий, но и материальная, поскольку богатства памятников человеческой культуры ископаемых и надпочвенных, беспримерно богатых у нас, и в целях одной лишь ох-

³ Правда, Н.Я. Марру удалось лишь немного ограничить сокращение штатов: в 1925 г. число сотрудников академии снизилось до 96 человек [15, с. 499].

раны их требуется процветание, а не прозябание молодой Академии» [4, л. 100]. Он рьяно отстаивал интересы академии в вопросе сокращения ее штатов: «Передайте всем, кому дороги укрепление порядка в России при существующей общественности, что Академия Истории Материальной Культуры заслуживает не урезания штатов, не ущемлений созданием параллельных импотентных организаций, а усиления и всякого содействия. Повторяю, я это говорю не только потому, что я Председатель; то же самое буду я утверждать, уйдя из председательства, что, вероятно, придется сделать, если вместо дела мне придется заниматься поддержанием канцелярской переписки о прошлогоднем, вроде вопроса о времени распубликования декрета об учреждении Академии Истории Материальной Культуры, созданной чуть не под свист пуль» [Там же. Л. 101]. В том же письме за нежелание Наркомпроса финансировать работы академии Н.Я. Марр сравнивает его политику с действиями царских властей: «Правда, я слышал, что в Наркомпросе обращали внимание на необходимость „заниматься Уралом, а не отвлекаться Палестиной“, но людям с таким пониманием научно-исследовательских задач в РСФСР следовало бы вернуться и к общественной организации эпохи существования Императорской Археологической Комиссии» [Там же. Л. 100 об.]. Стоит отметить, что финансовое положение академии в этот период действительно было тяжелым – шестнадцати наиболее квалифицированным ее сотрудникам пришлось отказаться от оплаты труда и работать безвозмездно [23, л. 106; 4, л. 100].

Для того чтобы добиться принятия своей точки зрения, Н.Я. Марр также использовал один интересный и во многом показательный прием, который в его случае всегда срабатывал. Когда ученого категорически не устраивало что-либо в политике власти по отношению к возглавляемому им учреждению или в поведении его коллег, он сразу же писал заявление об отставке. Уже на втором заседании совета только что созданной академии 14 августа 1919 г. Марр заявил, что «слагает с себя обязанности Председателя», так как его не удовлетворили результаты голосования, которые, по мнению ученого, свидетельствовали о недостаточной поддержке со стороны коллег [24, л. 4–5]. Менее чем через 3 месяца после своего возвращения на долж-

ность председателя, в самом начале сентября 1923 г., Марр направил в совет академии записку: «Находя бесполезным при сложившихся условиях мое председательство в Академии Истории Материальной Культуры и признавая невозможным, при имеющихся у меня на руках специальных по моим знаниям научно-исследовательских и научно-учебных дел, тратить время на бесполезное дело, прошу Совет быть ко мне снисходительным и не осудить, что я отказываюсь от должности Председателя Академии. Причем прошу ввиду состояния моего душевного разрешить мне не принимать участия в административных делах Академии, ни вообще по управлению Академией» [25, л. 50]. Ученый был не доволен тем состоянием дел, которое досталось ему в наследство от предшественника. Вероятно, со стороны коллег было явное или скрытое желание переложить на активного Марра всю административную работу, начиная с борьбы за расширение штата и заканчивая решением вопросов снабжения дровами, починки водопровода и пр. На заседании совета, на котором оглашалась записка, было постановлено: «Признавая, что при создавшихся условиях исполнение обязанностей Председателя Академии является невозможным для кого-либо из ее членов, отложить суждение по существу заявления Н.Я. Марра до ближайшего заседания Совета» [26, л. 49]. На следующем заседании, состоявшемся 1 октября, Н.Я. Марр уже вновь присутствовал в качестве председателя. Видимо, это был пример одного из его многочисленных нервных срывов, которые быстро проходили.

На заседании 3 марта 1924 г. было заслушано письмо Н.Я. Марра, в котором он отказывался от всякой работы в академии вследствие «создавшихся условий» [27, л. 8]. Члены совета сочли, что причиной написания письма явилась ненадлежащая организация президиума академии [Там же. Л. 8 об.]. Марр желал двух товарищей председателя вместо одного. В итоге совет, как всегда, пошел ему навстречу и постановил «назначить на следующее заседание Совета выборы двух Товарищей Председателя и Ученого Секретаря Академии» [Там же. Л. 8]. Эти выборы не прошли без эксцессов. Как следует из протокола заседания, на котором проводились выборы [28, л. 10 об.], вместо С.Н. Троицкого Н.Я. Марр предложил на должности В.В. Бартольда и А.С. Жебелева, избрание ко-

торых состоялось на заседании 10 марта [28, л. 13 об.—14]. Тройницкий в письме Марру выразил сожаление, что тот не сообщил ему о своем предложении. «В противном случае, — писал Тройницкий, — я мог принять в нем более деятельное участие, тем более что сейчас же по Вашем вторичном избрании на должность Председателя, в июне 1923 года, я предоставил Вам возможность наметить Товарища Председателя по Вашему выбору» [Там же. Л. 11]. В ответном письме Марр утверждал, что это было решение не его, а академии [Там же. Л. 12]. Серьезных последствий этот случай не имел — на следующем заседании тема не поднималась, а через заседание Марр поблагодарил членов совета за проведение реконструкции президиума [29, л. 18 об.]. Подобные многочисленные примеры того, с какой легкостью ученый готов был расстаться (хотя бы на словах) с академией, на наш взгляд, не позволяют согласиться с мнением П.И. Борисковского, утверждавшего, что именно ГАИМК была «любимым детищем» Н.Я. Марра [30, с. 5]. Во всяком случае, постоянные угрозы увольнения характерны именно для его работы в ГАИМК и, например, в практике руководства действительно его любимым детищем, Яфетическим институтом, не встречались.

Весьма интересно отметить, что к подобным способам отстаивания своих интересов прибегал и Т.Д. Лысенко, который в своих обращениях к партийным лидерам «не раз угрожал отставкой, пытаясь заставить власть предпринять нужные ему действия» [31, с. 63]. Можно вспомнить и В.И. Ленина, угрожавшего на заседании ЦК РСДРП(б) 23 февраля 1918 г. подать в отставку в случае непринятия решения о заключении мира на условиях Германии.

Еще одной особенностью взаимодействия власти и ученого сообщества в относительно спокойных с точки зрения идеологического диктата 1920-х гг. являлось то, что представители последнего не боялись смело отстаивать свои интересы в диалоге с властью [32, с. 85]. На заседании совета академии 30 апреля 1928 г. Н.Я. Марр огласил записку о предполагаемом выделении художественных музеев из ведения Главнауки. Совет заявил, что это губительно отразится на деле музейного строительства, о чем решили сообщить наркому просвещения [33, л. 9 об.]. Этим заявлением

академия, в частности, давала понять, что ее больше устраивала политика, которую проводила бывшая заведующая Отделом по делам музеев Н.И. Троцкая. Она не раз активно помогала Н.Я. Марру и академии, но в 1927 г., после того как Л.Д. Троцкий был выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б), его жена вынуждена была оставить свой пост. После ее отставки Музейный отдел был объявлен «гнездом троцкистов» и подвергся репрессиям [34]. Предполагаем, что даже косвенное выражение симпатии к жене главного врага генеральной линии партии было достаточно смелым и рискованным шагом.

Наиболее чуткие к политическим переменам ученые достаточно рано поняли, что сотрудничество с большевиками подразумевает необходимость принятия материалистической идеологии. Предпосылки идеологического прессинга начали улавливаться в середине 1920-х гг. Руководство Наркомата просвещения стало открыто говорить, что «новое поколение ученых-марксистов, окончивших аспирантуру, должно стать „могильщиком” старой археологии» [См.: 35, с. 43]. В РАИМК первым осознал необходимость введения марксизма Н.Я. Марр. По замечанию М.А. Тихановой, возглавляемый им «разряд Кавказа и яфетического мира <...> куда входили И.И. Мещанинов, И.А. Орбели, Б.Б. Пиотровский и другие, был единственным очагом, в котором делались попытки, правда довольно робкие и не всегда удачные, приблизиться к марксистскому пониманию исторического процесса» [36, с. 34]. Видимо, для того чтобы заручиться лояльностью власти, в апреле 1924 г. в академию в качестве председателя Комиссии по социологии искусства и искусствоведения был приглашен А.В. Луначарский [24, л. 19; 37, л. 22].

Серьезным испытанием для ученой корпорации как ГАИМК, так и других ведущих научных центров страны стали события рубежа 1920—1930-х гг., когда власть санкционировала и активно проводила политику, направленную на перестройку всей науки на основах марксизма-ленинизма. Для Н.Я. Марра это стало периодом жестокой борьбы за утверждение своего «нового учения о языке» в качестве единственной подлинно марксистской теории [5]. При этом беспощадные битвы велись не столько на научном поле, сколько на идеологическом, и

ученый с готовностью принимал поддержку радикально настроенных партийных идеологов. Как известно, борьба закончилась для ученого триумфом, но цена его для науки была очень высока [См. об этом подробнее: 38]. Конечно, последствия утверждения марризма для археологии были далеко не столь трагичными, как для языкознания, однако коллегам ученого по ГАИМК было опасно открыто выступать против во многом антинаучных идей Марра.

Переломным моментом в истории академии стало дело академика А.С. Жебелева, подробности которого, в первую очередь благодаря объемной статье И.В. Тункиной [39], нам хорошо известны. Н.Я. Марр стремился смягчить репрессии. В своем выступлении на собрании по «чистке» аппарата академии он утверждал, что в подконтрольном ему учреждении идеологическая работа велась и ведется в нужном направлении: «В ГАИМК новая общественность не только сложилась, но и выявляет большую активность, и соответственно повысился темп, усилилась массовость общественной жизни внутри учреждения», что в академии держались «новой философии в самой нашей специальности, как по истории материальной культуры, так и речевой» [40, л. 1]. В речи Марра сочетались элементы самокритики и покаяния с высокой оценкой проделанной работы, готовностью к активной перестройке, комплиментами в адрес власти и даже указаниями на недостаточное финансирование. Необычайно сильным являлся его призыв поддержать предложение Ф.В. Кипарисова, старого партийца, пришедшего в академию из системы высшего партобразования, «закреть ГАИМК на год-два и заняться в это время изучением марксизма» [Там же. Л. 7]. Можно представить себе, насколько унижительно было для Н.Я. Марра, одного из влиятельнейших ученых страны, представителя старой школы, главного среди основателей академии, во многом благодаря которому она выживала и развивалась, хвалить служебные порывы партийного выскочки! Он тяжело переживал происходившие события, но готов был признать многочисленные ошибки и делать вид, что горячо поддерживает и считает своевременным нелепое предложение абсолютно некомпетентного в вопросах науки проводника линии партии, лишь бы отвести беду от себя, своих коллег и всей академии.

Именно Ф.В. Кипарисов сменил С.А. Жебелева и исполнял обязанности председателя в отсутствие Н.Я. Марра. В 1930 г. в состав академии вошел еще один профессиональный революционер-большевик, С.Н. Быковский, у которого даже не было высшего образования. Главной своей задачей они видели утверждение в истории материальной культуры марксистско-ленинской методологии. Для этого, в частности, было создано методологическое отделение [41, л. 324 об.] (идея, поддержанная Н.Я. Марром в силу очевидной необходимости пойти на компромисс), занявшееся выдвиганием «новых задач» советской археологии и требований «бескомпромиссной борьбы» с установками буржуазной науки, тотального противопоставления им установок советской науки во всем — «от философской концепции и методологии до конкретных исследовательских методов» [42, с. 23]. Именно по заданию методологического отделения археолог В.И. Равдоникас написал в 1930 г. работу «За марксистскую историю материальной культуры», ставшую символом начала нового этапа в истории академии, подобно тому, как статья И. Сталина «Год великого перелома» обозначила начало нового этапа в истории страны.

Н.Я. Марр был фанатично предан своей яфетической теории, постепенно превращенной им в «новое учение о языке», претендующее на то, чтобы стать единственным подлинно марксистским. В конце 1920-х гг. оно включало в себя не только смелые утверждения о связях ряда языков друг с другом, вольно названных ученым яфетическими (по имени Иафета, третьего сына Ноя), но и идеи о языке как «надстройке» над социально-экономическими отношениями, об общем происхождении всех языков от «четырех элементов» — «трудовых выкриков» САЛ, БЕР, ЙОН и РОШ, отрицание достижений западного языкознания. Подобная позиция делала ученого крайне заинтересованным в союзе с поддерживающими его учение молодыми борцами за марксизм. В связи с этим его поведение в ситуации с «чистками» в академии не может не заслуживать уважения. Марр изо всех сил заступался за попавших в немилость и требовал принятия тезиса о том, что академия достигла некоторых успехов не благодаря ему одному, а благодаря коллективной работе [41, л. 283]. Он говорил о необходимости смяг-

чить приговор сотрудникам, возражал против выдвинутого и разрабатываемого положения о существовании в академии группы евангелистов, хотя и вынужден был согласиться, что к секте принадлежали сотрудники Нарбут и Грибач, а им пособничали Гринберг, Дядьковская и М.В. Фармаковский [41, л. 323]. Председатель пытался оправдать сотрудников, не близких к марксизму [Там же. Л. 324 об.–325]. Показательно, что пострадавшие во время «чисток» не винили в этом Н.Я. Марра, тем более что к этому времени он «в значительной мере уже не был хозяином в руководимых им учреждениях» [43, с. 515]. В частности, это можно сказать о Е.Ч. Скржинской (1894–1981), работавшей в академии и уволенной в августе 1930 г. вместе с рядом других сотрудников за «идеалистическое мировоззрение» [Там же]. В то же время именно Н.Я. Марру удалось не допустить переименования академии в институт, убедив власти, что по функциям академия значительно отличается от института [41, л. 323 об.]. Идеи о переименовании озвучивались властями и раньше [См.: 44, л. 4].

Н.Я. Марр возглавлял ГАИМК вплоть до своей смерти в 1934 г. В саду Мраморного дворца вскоре был установлен памятник с барельефным портретом и надписью «Н.Я. Марр, организатор и председатель ГАИМК в 1919–1934 гг.» [45]. Легенда о герое-одиночке, создавшем академию, ставшем во главе борьбы за материалистическое учение о языке, требовала отказаться от исторической достоверности. Идея учреждения академии принадлежала не только Н.Я. Марру, а с сентября 1920 по ноябрь 1922 г. ее председа-

телем был эмигрировавший в 1925 г. А.А. Васильев⁴, но об этом сочли нужным умолчать.

Как глава академии, Н.Я. Марр до последнего момента стремился сохранить высокую степень свободы учреждения от политических тревог, оставить его неким «заповедником», где работали выдающиеся специалисты старой школы. Даже в жестоких условиях «чисток» рубежа 1920–1930-х гг. он активно заступался за них. Ученый не боялся рьяно отстаивать интересы академии перед властью, что позволило сохранить ее. Одновременно он умело боролся с оппозицией внутри академии, не брезгуя в случае конфликтов с коллегами союзническими отношениями с партийными функционерами. В сочетании с введением марксизма и агрессивной поддержкой молодых партийных идеологов «нового учения о языке» это привело к кризису в развитии учреждения. Таким образом, роль Н.Я. Марра как председателя ГАИМК была амбивалентной – при признании колоссальных заслуг ученого в ее создании и функционировании с него нельзя снимать ответственность за агрессию по отношению к своим оппонентам, перешедшую в репрессии 1930-х гг., затронувшие в том числе и ГАИМК.

⁴ Многие отечественные и зарубежные исследователи до сих пор оперируют в своих работах данными о том, что Н.Я. Марр возглавлял РАИМК – ГАИМК без перерыва с 1919 до 1934 г., до своей смерти [46, с. 87; 47, с. 51; и др.]. При этом сам ученый в своей автобиографии 1933 г. упоминал о том, что он оставил пост председателя академии осенью 1920 г. [1, с. 129].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Марр Н.Я.** Автобиография // Проблемы истории докапиталистических об-в. 1935. № 3–4. С. 126–130.
2. **Пескарева К.М.** К истории создания Российской академии истории материальной культуры // Краткие сообщения Ин-та археол. АН СССР. 1980. № 163. С. 26–32.
3. **Пряхин А.Д.** История советской археологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. 284 с.
4. **Марр Н.Я.** Письмо М.П. Кристи (1923 г.) // Центр. гос. арх. Санкт-Петербурга. Ф. 2555. Оп. 1. № 466.
5. **Сидорчук И.В.** Н.Я. Марр и государственная культурная политика 1917–1930 гг. // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2. 2011. Вып. 4. С. 88–93.

6. **Формозов А.А.** Русские археологи в период тоталитаризма. Исторические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

7. **Платонова Н.И.** Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археол. вестн. № 5. 1996–1997. СПб.: Дм. Буланин, 1998. С. 371–381.

8. **Платонова Н.И., Мусин А.Е.** Императорская Археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Имп. Археол. комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отеч. археол. и охраны культурного наследия. СПб.: Дм. Буланин, 2009. С. 1065–1115.

9. **Марр Н.Я.** Письмо А.А. Мануйлову [1917] // Санкт-Петерб. ф-л Арх. РАН. Ф. 800. Оп. 2. Д. Б-24.

10. **Марр Н.Я.** Государственная академия истории материальной культуры. Л., 1927. 10 с.
11. **Голубева О.Д.** Н.Я. Марр. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2002. 280 с.
12. **Устав** Российской академии истории материальной культуры [утв. Гос. учен. советом 21 октября 1919 г.]. Пг., 1919. 30 с.
13. **Дьяконов И.М.** Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. 765 с.
14. **Журналы** заседания Правления РАИМК за 1920 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1920) Д. 5.
15. **Селиванов В.В.** Вяч.И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и творческой судьбе К.М. Колобовой (ч. II) // Мнемон. Исслед. и публ. по ист. антич. мира: сб. ст. Вып. 6. СПб., 2007. С. 473–510.
16. **Журнал** заседания Правления РАИМК от 16 августа 1920 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1920) Д. 5.
17. **Фармаковский Б.В.** Российская академия истории материальной культуры за 1919–1923 годы // Центр. гос. арх. Санкт-Петербурга. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 466.
18. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 30 октября 1922 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1922) Д. 3.
19. **Журнал** заседания Правления РАИМК от 10 ноября 1922 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1922) Д. 4.
20. **Журнал** заседания Правления РАИМК от 20 декабря 1922 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1922) Д. 4.
21. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 12 мая 1922 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1922) Д. 3.
22. **Журнал** заседания Правления РАИМК от 25 июня 1923 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1923) Д. 7.
23. **Краткий** отчет о деятельности РАИМК за март-июнь 1923 г. // Центр. гос. арх. Санкт-Петербурга. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 466.
24. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 14 августа 1919 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1919) Д. 4.
25. **Марр Н.Я.** Записка в Совет РАИМК от 1 сентября 1923 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6 (1923).
26. **Протокол** заседания Совета РАИМК от 3 сентября 1923 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6 (1923).
27. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 3 марта 1924 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1924) Д. 4.
28. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 10 марта 1924 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1924) Д. 4.
29. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 7 апреля 1924 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1924) Д. 4.
30. **Борисковский П.И.** Первые 30 лет Института археологии АН СССР // Кратк. сообщ. Ин-та археол. АН СССР. № 163. М.: Наука, 1980. С. 5–10.
31. **Россиянов К.О.** Сталин как редактор Лысенко. К предыстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ // Вопросы филос. 1993. № 2. С. 56–69.
32. **Fitzpatrick Sh.** Education and social mobility in the Soviet Union. Cambridge Univ. Press, 2002. 368 p.
33. **Журнал** заседания Совета ГАИМК от 30 апреля 1928 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1928) Д. 6.
34. **Кончин Е.Ф.** Революция в Мертвом перелуке // Арбатский арх. Ист.-краевед. альм. Вып. 1 / под ред. С.О. Шмидта. М., 1997. URL: http://msk-csportal.ru/information/book/1/arbat6_1_1.html (дата обращения: 24.07.2011).
35. **Платонова Н.И.** История археологической мысли в России (послед. треть XIX – первая треть XX в.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2008. 52 с.
36. **Тиханова М.А.** Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК – ГАИМК) // Кратк. сообщ. Ин-та археол. АН СССР. № 163. М.: Наука, 1980. С. 34–36.
37. **Журнал** заседания Совета РАИМК от 12 мая 1924 г. // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1924) Д. 4.
38. **Алпатов В.М.** История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
39. **Тункина И.В.** «Дело» академика Жебелева // Др. мир и мь: классич. наследие в Европе и России: альм. Вып. II. СПб., 2000. С. 116–161.
40. **Марр Н.Я.** Выступление на собрании по «чистке» ГАИМК // Санкт-Петерб. ф-л Арх. РАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 797.
41. **Материалы** по «чистке» сотрудников ГАИМК // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1930) Д. 4.
42. **Мерперт Н.Я.** Из истории Института археологии (к 80-летию его учреждения) // Рос. археол. 1999. № 2. С. 16–31.
43. **Каганович Б.С.** Е.Ч. Скржинская о Н.Я. Марре // Вспом. ист. дисциплины. Т. 30. 2007. С. 514–520.
44. **Об уставе** Академии. Переписка // Науч. арх. Ин-та истории матер. культуры РАН. Рукописный арх. Ф. 2. Оп. 1 (1929) Д. 3.
45. **Длужневская Г.В.** Деятельность РАИМК – ГАИМК: 1917–1937 гг. // Археол. и социальный прогресс. Матер. конф. Вып. 1. СПб.: Рус. коллекция, 2006. С. 347–371.
46. **Lawrence L.T.** The linguistic theories of N.Ja. Marr. Univ. of California Press, Berkeley, 1957. 176 p.
47. **Слэзкин Ю.** Н.Я. Марр и национальные корни советской этногенетики // Нов. лит. обозр. 1999. № 2 (36). С. 48–82.

СИДОРЧУК Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: chubber@yandex.ru

I. V. Sidorchuk

NICHOLAS MARR ON THE POST OF DIRECTOR OF THE STATE ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE (1919–1920, 1922–1934)

The relevance of the study due to the fact that the relationship between science and government in the transitional period of the 1920s in contemporary science investigated not complete and biased. In this regard, this article is aimed at disclosure of such ill-studied question of how the activities of Nicholas Marr as Director of the State Academy for the History of Material Culture (until 1926 – the Russian Academy for the History of Material Culture). As issues of history of Russian science is often examined under different ideological perspectives and based on certain policies, the author addressed the principles of epistemological neutrality S. Aurox. The author analyzed broad-spectrum of archival sources and researched the question how Nicholas Marr managed to work out the principle of relationship with the power which allowed protecting the interests of the Academy, successfully defended his linguistic theory and at the same time had the support of colleagues who supported his candidacy as Director. In the conditions of aggravation of the ideological struggle of the 1920–30s, he is, on the one hand, sought to ease the purges in the Academy, but on the other, in the case of conflict with colleagues went to the union with young Marxists who supported his “new linguistic doctrine”. The author made a conclusion that the role of Nicholas Marr as Director of the State Academy for the History of Material Culture was ambivalent – he played decisive role in creation and functioning of the Academy but at the same time he was responsible for the aggression against their opponents, who joined in the repression of the 1930s, which affected the Academy. The results of the research can help in reconstruction of biography of Nicholas Marr and in analysis of the history of the relationship of the Soviet scientific community and power, the institutionalization of new scientific institutions in the post-revolutionary period. They can be used in the preparation and modernization of educational courses, which addresses the problems of the history of science and education.

NICHOLAS MARR; THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE; SCIENCE AND POWER IN USSR IN 1920S; THE HISTORY OF SCIENCE; HISTORY OF ARCHAEOLOGY.

REFERENCES

1. Marr N.Ya. [Autobiography]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of history of pre-capitalist societies], 1935, no. 3–4, pp. 126–130. (In Russ.)
2. Peskareva K.M. [The history of creating the Russian Academy of history of material culture]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Short messages of Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the USSR], 1980, no. 163, pp. 26–32. (In Russ.)
3. Pryakhin A.D. *Istoriya sovetskoy arkheologii* [The history of Soviet archaeology]. Voronezh, Voronezh Univ. Publ., 1986. 284 p. (In Russ.)

4. Marr N.Ya. *Pis'mo M.P. Kristi (1923 g.)* [Letter to M.P. Christie (1923)]. [Central state archive of St. Petersburg]. F. 2555. Op. 1. D. 466.
5. Sidorchuk I.V. [Nicholas Marr and the national cultural policy 1917–1930's.]. *Vestnik of St. Petersburg State Univ.* Ser. 2, 2011, no. 4, pp. 88–93. (In Russ.)
6. Formozov A.A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoricheskie ocherki* [Russian archaeologists in the period of totalitarianism. Historical essays]. Moscow, Znak Publ., 2006. 344 p. (In Russ.)
7. Platonova N.I. [Nikolay Yakovlevich Marr – archaeologist and organizer of archaeology]. *Archaeological news*, 1996–1997, no. 5. St. Petersburg, 1998. Pp. 371–381. (In Russ.)
8. Platonova N.I., Musin A.E. [The Imperial Archaeological Commission and its transformation into 1917–1919]. *Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arheologii i okhrany kul'turnogo naslediya* [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): the 150th anniversary of its founding. At the origins of domestic archaeology and cultural heritage]. St. Petersburg, 2009. Pp. 1065–1115. (In Russ.)
9. Marr N.Ja. *Pis'mo A.A. Manuylovu (1917)* [Letter to A.A. Manuylov (1917)]. [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 800. Op. 2. D. B-24.
10. Marr N.Ya. *Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury* [State Academy of History of Material Culture]. Leningrad, 1927. 10 p. (In Russ.)
11. Golubeva O.D. N.Ya. Marr. St. Petersburg, National Library Publ., 2002. 280 p. (In Russ.)
12. *Ustav Rossiyskoy akademii istorii material'noy kul'tury*. Uтвержден Gosudarstvennym uchenym sovetom 21 oktyabrya 1919 g. [The Charter of the Russian Academy of history of material culture. Approved By The State. The academic Council 21 October 1919]. Petrograd, 1919. 30 p. (In Russ.)
13. D'yakov I.M. *Kniga vospominaniy* [Book of memories]. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1995. 765 p. (In Russ.)
14. *Zhurnaly zasedaniya Pravleniya RAIMK za 1920 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, 1920]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1920) D. 5.
15. Selivanov V.V. [Vyach.I. Ivanov and N.Ya. Marr the life and creative life of K.M. Kolobova (pt. II)]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world. SB. articles], no. 6. St. Petersburg, 2007. Pp. 473–510. (In Russ.)
16. *Zhurnal zasedaniya Pravleniya RAIMK ot 16 avgusta 1920 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, August, 16. 1920]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1920). D. 5.
17. Farmakovskiy B.V. *Rossiyskaya akademiya istorii material'noy kul'tury za 1919–1923 gody*. Doklad [Russian Academy of history of Material Culture over the years 1919–1923. Report]. [Central state archive of St. Petersburg]. F. 2555. Op. 1. D. 466.
18. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 30 oktyabrya 1922 g.* [Journal of Board meeting of The State Academy for the History of Material Culture. October, 30. 1922]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1922). D. 3.
19. *Zhurnal zasedaniya Pravleniya RAIMK ot 10 noyabrya 1922 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture. November, 10. 1922]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1922). D. 4.
20. *Zhurnal zasedaniya Pravleniya RAIMK ot 20 dekabrya 1922 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, December, 20. 1922]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1922). D. 4.
21. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 12 maya 1922 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, May, 12. 1922]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1922). D. 3.
22. *Zhurnal zasedaniya Pravleniya RAIMK ot 25 iyunya 1923 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, June, 25. 1923]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1923). D. 7.
23. *Kratkiy otchet o deyatelnosti RAIMK za mart-iyun' 1923 goda* [A brief report on the activities of The State Academy for the History of Material Culture for March-June, 1923]. [Central state archive of St. Petersburg]. F. 2555. Op. 1. D. 466.
24. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 14 avgusta 1919 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, August, 14. 1919]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1919). D. 4.
25. Marr N.Ya. *Zapiska v Sovet RAIMK ot 1 sentyabrya 1923 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, September, 1. 1923]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1. D. 6 (1923).

26. *Protokol zasedaniya Soveta RAIMK ot 3 sentyabrya 1923 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, September, 3. 1923]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1. D. 6 (1923).
27. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 3 marta 1924 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, March, 3. 1924]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1924). D. 4.
28. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 10 marta 1924 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, March, 10. 1924]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1924). D. 4.
29. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 7 aprelya 1924 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, April, 7. 1924]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1924). D. 4.
30. Boriskovskiy P.I. [The first 30 years of the Institute of archaeology of the Academy of Sciences of the USSR]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Short messages of Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the USSR], 1980, no. 163, pp. 5–10. (In Russ.)
31. Rossijanov K.O. [Stalin as Lysenko's editor. Back in August (1948) session of agricultural Sciences]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 1993, no. 2, pp. 56–69. (In Russ.)
32. Fitzpatrick Sh. Education and social mobility in the Soviet Union. Cambridge Univ. Press, 2002. 368 p.
33. *Zhurnal zasedaniya Soveta GAIMK ot 30 aprelya 1928 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, April, 30. 1928]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1928). D. 6.
34. Konchin E.F. [Revolution in a Dead alley]. *Arbatskiy arhiv* [Arbat archive. Local history almanac. Vol. 1]. Moscow, 1997. Available at: http://msk-sportal.ru/information/book/1/arat6_1_1.html (accessed 24.07.2011).
35. Platonova N.I. *Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii (poslednyaya tret' XIX – pervaya tret' XX v.)*. Avtoref. dokt. dis. [A history of archaeological thought in Russia (the last third of XIX – first third XX centuries). Abstr. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2008. 52 p. (In Russ.)
36. Tihanova M.A. [From past Institute of archaeology, Academy of Sciences of the USSR]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Short messages of Institute of Archeology of the AN USSR]. No. 163. Moscow, Nauka Publ., 1980. P. 34–36. (In Russ.)
37. *Zhurnal zasedaniya Soveta RAIMK ot 12 maya 1924 g.* [Logs of the meeting of the Board of The State Academy for the History of Material Culture, May, 12. 1924]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1924). D. 4.
38. Alpatov V.M. *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [The story of a myth: Marr and marrism]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 240 p. (In Russ.)
39. Tunkina I.V. [“Case” academician Zhebelev]. *Drevniy mir i my: klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii*, vyp. II [The Ancient world we are: the Classical heritage in Europe and Russia: the Almanac. Vol. II]. St. Petersburg, 2000. Pp. 116–161. (In Russ.)
40. Marr N.Ya. *Vystuplenie na sobranii po chistke GAIMK* [The speech at the meeting on “purge” of The State Academy for the History of Material Culture]. [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 800. Op. 1. D. 797.
41. *Materialy po “chistke” sotrudnikov GAIMK* [Materials for “purge” of the staff of The State Academy for the History of Material Culture]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1930). D. 4.
42. Merpert N.Ya. [From the history of the Institute of archaeology (on the 80th anniversary of its establishment)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1999, no. 2, pp. 16–31. (In Russ.)
43. Kaganovich B.S. [Elena Skrzhinsky about Nicholas Marr]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Vol. 30, 2007. Pp. 514–520. (In Russ.)
44. *Ob ustave Akademii. Perepiska* [The bylaws of the Academy. Correspondence]. [The Scientific archive of the Institute of history of material culture Russian Academy of Sciences, the Handwritten archive]. F. 2. Op. 1 (1929). D. 3.
45. Dluzhnevskaya G.V. [The activities of The State Academy for the History of Material Culture, 1917–1937]. *Arheologiya i social'nyy progress*. Materialy konferencii [Archaeology and social progress. Materials of the conference]. Vol. 1. St. Petersburg, 2006. Pp. 347–371. (In Russ.)
46. Lawrence L.T. The linguistic theories of N.Ja. Marr. Univ. of California Press, Berkeley, California [u.a.], 1957. 176 p.
47. Slezkin Yu. [Nicholas Marr and the national roots of the Soviet ethno-genetic]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 1999, no. 2 (36), pp. 48–82. (In Russ.)

SIDORCHUK Илья В. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: chubber@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016